

Уроки Самотлора

Андрей Конопляник

В 2025 году Россия и её нефтяная отрасль отметили 60-летие первой нефти Самотлорского месторождения — крупнейшего по запасам в стране, которое на пике добычи давало четверть производства нефти СССР. В связи с этим представляется уместным обратиться к историческим урокам Самотлора и их значению для сегодняшних реалий.

Самотлор — крупнейшее в России и седьмое по размеру в мире нефтяное месторождение. Открыто в 1965 году, начало разработки — 1969 год. Геологические ресурсы (по разным оценкам) от 6,2 до 7,1 млрд тонн, извлекаемые запасы — 2,7–3,5 млрд тонн. Размеры месторождения: 47 километров с запада на восток и 78 километров с севера на юг. 80 % территории месторождения — это давшее ему название одноименное мелкое озеро (максимальная глубина 3,2 метра), а 20 % — болота первой категории. Самотлор стал мировым пионером широкомасштабного строительства насыпных (тоннее — намыльных) искусственных островов для добычи нефти.

В поисках запятой

29 мая 1965 года буровая бригада мастера Григория Норкина вскрыла нефтегазонасыщенный разрез — с этой даты и идет отсчет самотлорской нефти.

Полученный в конце июня бригадой

► Самотлор.

Фото Владимира Мельникова, 13 июня 2012 года

► Генеральные директора производственных объединений в составе «Лавтоменнефтегаз»: Владимир Богданов — «Сургутнефтегаз», Юрий Шафраник — «Ангелсинефтегаз», Александр Путилов — «Урайнефтегаз», Вагит Алекперов — «Когалымнефтегаз», Виктор Отт — «Нижнеартовскнефтегаз», Владимир Медведев — «Сибнефтегазпереработка», Виктор Агеев — «Новобрянскнефтегаз», Алексей Кондратов — «Краснолинскнефтегаз». Помень, 1987 год

Все эти «нефтяные генералы» и впоследствии остались знаковыми фигурами в российской нефтяной отрасли, в топливно-энергетическом комплексе страны. Богданов и Алекперов создали и возглавили первые вертикально интегрированные нефтяные компании (ВИНК) страны — «Сургутнефтегаз» и «Лукойл». Путилов в 1990-е годы возглавлял государственную компанию «Роснефть». Шафраник и Отт в разное время в 1990-е годы возглавляли руководителями Министерства топлива и энергетики России. Медведев долгое время возглавлял в Госдуме организацию «Регионы России» и межфракционное депутатское объединение «Энергетический клуб России».

Две стороны медали

Освоение Западной Сибири — один из крупнейших народно-хозяйственных проектов страны, срочный план ГОЭЛРО, индустриализации, эвакуации промышленности европейской части СССР на восток в первые месяцы Великой Отечественной войны и развёртывание там новой промышленной базы,

В подробнейшей летописи этого подвига — мультимедийной энциклопедии «Эра Самотлора» есть замечательная в своей исторической значимости фотография, на которой стоят, плечом к плечу, восемь гендиректоров «Лавтоменнефтегаз». На них, не побоясь сказать, в значительной степени держалось

Мне бы хотелось остановиться на других уроках Самотлора

тогда благополучие СССР. Ибо на долю возглавляемых ими объединений приходилось порядка 70 % добычи нефти в стране и около половины всех валютных доходов страны! Они совместно добыли более одного миллиона тонн нефти в сутки! Треть этого объёма давал один Самотлор!

мастера Петра Безродного фонтан в 1000 кубических метров в сутки возвести миру об открытии нового нефтяного гиганта в Советском Союзе — Самотлорского месторождения.

Масштабы добычи на Самотлоре поражали воображение даже искусственных профессиональных нефтяников. Вот как описывал своё знакомство с Самотлором в 1975 году мой покойный друг Виктор Отт (тогда ещё будущий гендиректор «Нижнеартовскнефтегаз»): «...несколько месяцев по прошествии моего приезда сюда я с удивлением смотрел в НГДУ "Нижнеартовскнефть" на табло электронном цифры добычи нефти — в час, в сутки... Мне казалось, что там ошибка, что этого не может быть, такие цифры там... где-то должна быть запятая... Не каждый может даже сообразить, что одно месторождение может добывать 154 млн тонн в год. Это несколько стран вместе взятые, даже со всеми этими Арабскими Эмиратами и так далее».

освоению целины, атомному проекту, космической программе, строительству БАМа.

Однако мне бы хотелось остановиться на других уроках Самотлора. У каждой медали есть, как известно, две стороны. Обратная сторона определяется словом «эффективность». Оно, в свою очередь, также имеет два измерения: во-первых, насколько эффективно осваивался сам Самотлор с точки зрения разработки запасов месторождения, во-вторых, насколько эффективно использовались в стране доходы, генерируемые Самотлором и, шире, нефтяной отраслью.

Наконец, каждый народно-хозяйственный проект запускает множественные «эффекты домино», масштаб и продолжительность которых

зачастую надолго определяют вектор дальнейшего экономического развития страны. Такой вектор для страны задали и Самотлор. Поэтому мы и сегодня отчасти продолжаем жить в рамках той парадигмы развития, которая сформировалась в стране в связи с открытием и освоением Самотлора. И, к сожалению, эта парадигма, на мой взгляд, может быть названа «фрамой Самотлора».

Не загубили, не перегрузили

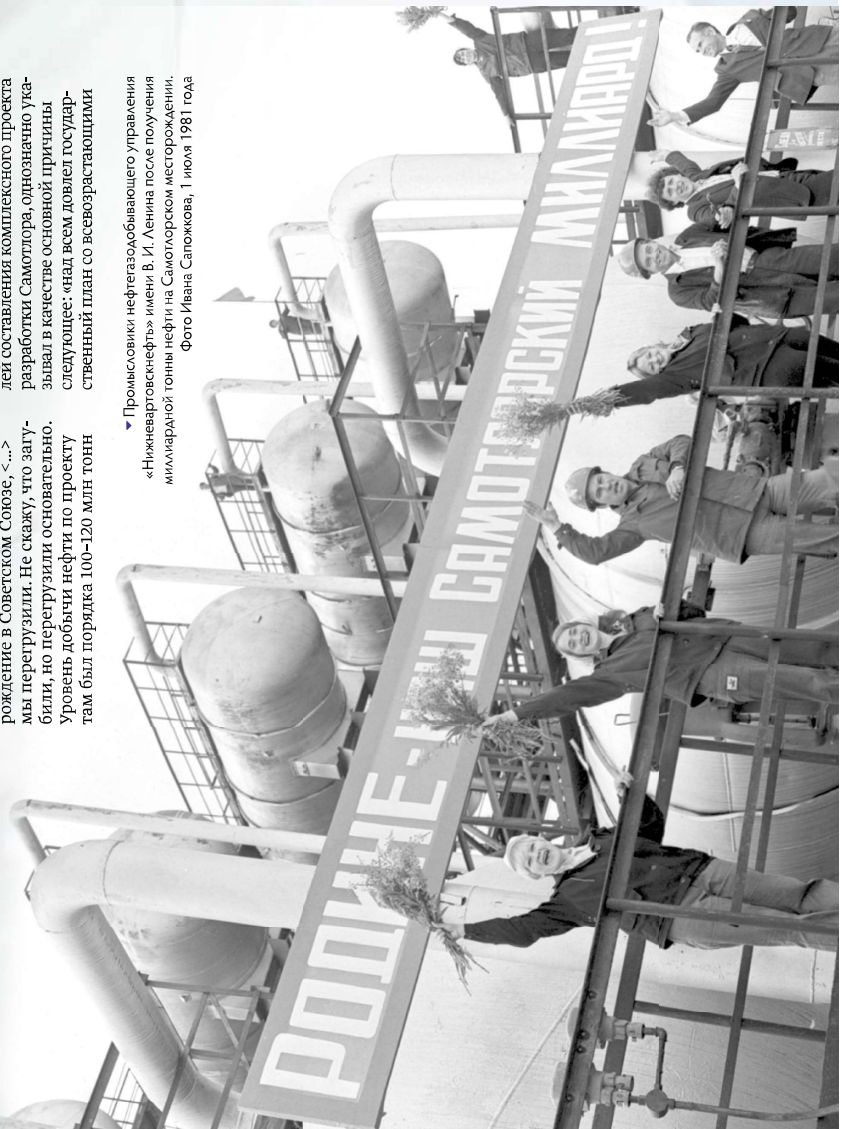
Виктор Отт, проработавший на Самотлоре 14 лет, писал: «...планы, курсы с каждой пятилетней становились всё более грандиозными, не соответствовали политике разумной разработки недр». «... Самотлор — жемчужину, основное месторождение в Советском Союзе, «...» мы перегрузили. Не скажу, что загубили, но перегрузили основательно. Уровень добычи нефти по проекту там был порядка 100–120 млн тонн

в год — «...» но его вывели больше чем за 150 млн. Конечно, перебор... Уже в открытую говорили о том, что не хватает технологической и инженерной базы, чтобы выдержать бесконечно нарастающие планы».

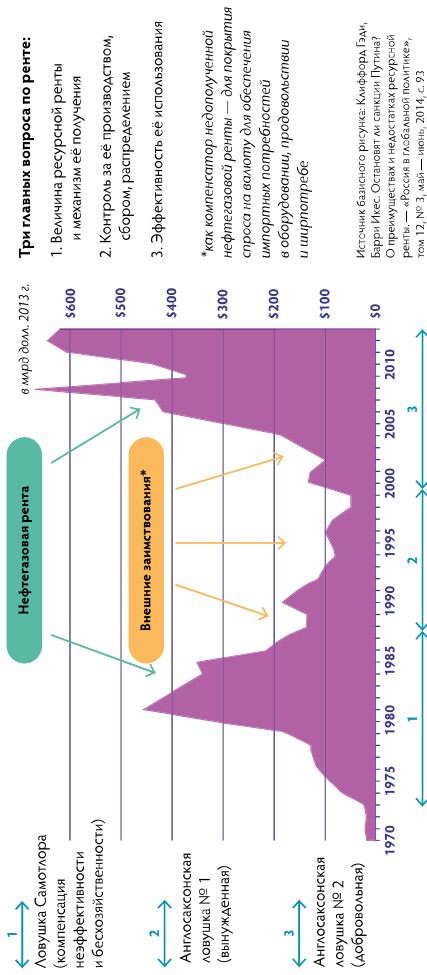
«Технологические отклонения были обусловлены завышенными планами»

Почему так произошло? Гадель-Вихтов, возглавлявший в те годы «ВНИИнефть» и один из руководителей составления комплексного проекта разработки Самотлора, однозначно указывал в качестве основной причины следующее: «над всем довлел государственный план со всевозрастающими

▼ Промысловики нефтегазодобывающего управления «Нижегородскнефть» имени В. И. Ленина после получения миллиардной тонны нефти на Самотлорском месторождении. Фото / Ивана Сажокова, 1 июля 1981 года

Ресурсная рента от нефти и газа в СССР (1970–1991) и России (1992–2013, до начала введения антироссийских санкций)

заданиями. Для удержания достигнутых объемов добычи на промыслах шли на вынужденную интенсификацию отборов жидкости, добываемой вместе с нефтью большие объемы закачанной воды, что значительно снижало к.п.д. заводнения. Таким образом, технологические отклонения были обусловлены завышенными планами, необоснованными программами, т. е. стратегическим просчётом».

Нефтяники пытались объяснить руководству страны, что долго так продолжаться не может, что Самотлор не выдержит такой нагрузки, что нужны ресурсы для сбалансированного освоения недр Западной Сибири, но тщетно. Министр нефтяной промышленности Валентин Шашин пытался сдерживать нажим на уникальное месторождение, но впал в результате в немилость. Виктор Отт, гендиректор «Нижегородскнефтегаза», куда входил Самотлор, отказался в итоге брать очередные повышенные обязательства по добыче, не обеспеченные ресурсами, был снят с должности и отправлен в «шопы» к сылку».

Однако и сами нефтяные раскоды не отличались высокой

экономической эффективностью. Так, министр топлива и энергетики в гайдаровском правительстве Владимир Лопухин пишет: «Вернулся из очередной командировки в Сибирь в 1983 году в полном отчаянии оттого, что в нефтянке ничего поправить нельзя. Всё неэффективно, нетехнологично... Так, нельзя было получить металл в северном исполнении, что при минус 40 абсолютно критично. Или из всех республик СССР завозились железобетонные блоки транспортными самолётами. Нефтянка, вы, может быть, не догадываетесь, многие годы советской власти жила с открытым рублёвым счётом. Деньги вообще не лимитировались».

Пик добычи на Самотлоре (158,9 млн тонн) совпал с тогдашним пиком мировых цен на нефть (41 доллар/баррель). Последующее ускоренное падение добычи на месторождении (на треть за 1980–1985 годы) совпало сначала с примерно таким же снижением, а затем и с дальнейшим обвалом мировых цен на нефть в 1986 году. Это запустило «спираль ухудшения». Объёмы нефтяной ренты, которая обеспечивала поступление валютных доходов и формировала текущую «подушку безопасности» страны, стали резко падать, и для финансирования законтрактowanych внешне-торговых обязательств страна стала прибегать к внешним займам — а затем и к распродаже золотовалютных резервов.

«Спираль ухудшения»

После достижения в 1980 году пика добычи за счёт форсированного её наращивания на Самотлоре начались столь же резкое, обвальное падение добычи. Даже для простой компенсации этого падения требовалось теперь открывать и вводить в эксплуатацию несколько более мелких месторождений. Это означало удорожание замещающей добычи,

Из одной ловушки в другую

Как справедливо пишет ряд исследователей, Самолтор посадил СССР на «нефтезаготовку иту» и привел к зависимости от импорта, которая только усугубилась после распада Союза. Тогда перед нефтяной отраслью поставилась задача: Россия осталась тройная завилка бюджета, как преодолевать кризис оборудования и инвестиций для удержания падающей добычи нефти и сдерживать нарастание фонда бездействующих скважин в условиях разрыва существующих ранее внутривосточных (между республиками СССР) и межстрановых (внутри СЭВ) кооперационных производственных технологических цепочек.

Первый вариант — сохранять эти существовавшие в период СССР производственные цепочки, ставшие в одиночку международными. Но новые, ныне суверенные, государства тут же захотели рассчитывать на производимую ими на своей, ныне независимой, территории продукцию теперь уже по международным ценам и получать оплату в СКВ. То есть качество всё то же или хуже, но деньги теперь мировые.

Второй вариант — строить завод по производству ставшего «иностранным» оборудования самим. Но, во-первых, этот путь не даёт мгновенной отдачи. А оборудование необходимо сегодня. Во-вторых, до 1996 года страна не имела суверенного кредитного рейтинга, а это значит, что заёмное финансирование с мирового рынка капитала было недоступно, а когда получила — он был в зоне спекулятивных рейтингов, было весьма дорогим. Внутри же страны в начале 1990-х бушевал жесточайший финансовый кризис, то есть длинных дешёвых кредитных ресурсов ни из внешних, ни из внутренних источников в стране не было. За исключением ограниченного по объёму государственных кредитов, в том числе от международных

институтов — Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития.

Потому абсолютное большинство образовавшихся нефтяных компаний предлоило объективно неизбежный в тех условиях третий путь — импорт оборудования из капиталистических стран по мировым ценам, но и мирового качества, сопровождавшийся к тому же его постпродажным обслуживанием. Нефть — ликвидный товар, под бундуший доход от её экспортной продажи всегда можно было получить дополнительные средства.

Известно высказывание Парацельса: «Всё есть яд, и всё есть лекарство, то и другое определяет доза». «Передозировка импорта» дважды заглагла нашу страну в англосаксонскую ловушку, из которой — после и в результате санкций со стороны «коллективного Запада» — Россия довольно резко переползает теперь уже в ловушку китайскую (наглядный пример — автомобильный рынок).

Попадание в англосаксонскую ловушку стало возможным после открытия СССР для иностранных инвесторов в 1987 году. Этот процесс в постсоветской России происходил двумя волнами.

Первая волна начала 1990-х была вынужденной (см. вышше), вторая, с начала 2000-х, добровольной, повторая в точности невыученные уроки «ловушки Самолтора», когда вместе

▶ Нефтепровода на Самолторском нефтяном месторождении.
Фото Всеволода Тарасевича, 1 июня 1973 года

наращивания собственного производства конкурентоспособной продукции компании пошли по более лёгкому пути импортных закупок всего необходимого и недостающего в условиях отсутствовавшей в стране проинвестиционной экономической политики, которая поддерживала бы промышленный, а не спекулятивный финансовый капитал.

Этому способствовал (как и ранее в случае с Самолтором) интенсивный рост мировых цен на нефть в 2000-е годы сначала за счёт роста спроса со стороны Китая и Индии на рынке физической нефти. Затем рост цен был раскручен на рынке «бумажной» нефти (нефтяных

Россия оказалась в непреодолимой импортной ловушке

фьючерсов и нефтяных финансовых деривативов) — производных финансовых инструментов, глобальными биржевыми спекулянтами. Мировая цена на нефть выросла с минимальной 9 долларов/баррель в декабре 1998 года до максимальной 147 долларов/баррель в июле 2008 года, потом, упав в 2009 году, держалась до середины 2014 года на уровне 100–110 долларов/баррель. Россия вновь, как и в 1970-е годы, оказалась в положении «фрирайдера», когда в страну вновь хлынули дополнительные нефтяные доходы. Но это ускорило дальнейшее вхождение в англосаксонскую ловушку, которая фактически захлопнулась: по многим ключевым видам оборудования Россия оказалась в непреодолимой импортной зависимости. В силу неконкурентоспособности, отсутствия или утраты соответствующих ответственных производств.

Нынешняя китайская ловушка для России — следствие глобализации и переноса обрабатывающих

производств из промышленно развитых капиталистических стран-нефтеимпортёров в развивающиеся страны после нефтяных кризисов и ценовых шоков 1970-х годов (развитие отечественной реальности в компании вынуждены финансировать развитие производств из кредита (длинных дешёвых денег) в рамках политики запретительной ключевой ставки ЦБ и нестабильности/непредсказуемости налоговой политики Минфина, который вводит запретительную для инвесторской системе налогообложения, нацеленную на максимизацию сбора налогов безотносительно к эффективности их использования через бюджетные траты.

Противостоять такой экспансии китайского оборудования и «сменам» ловушек — из англосаксонской в китайскую — при нынешней политике ЦБ и Минфина, на мой взгляд, не представляется возможным. При господстве экспорта в Китае догоняющее, а по многим параметрам уже и опережающее мировую уровень качество китайской продукции является более благоприятным в координации «цена — качество», чем имеющиеся российские аналоги.

Нынешнее устойчивое (хочется надеяться — обратимое) воплощение в России в китайскую ловушку, на мой взгляд, является вполне рутинизированным явлением. ЦБ и Минфина. В условиях запретительной для инвесторской в материальное производство ключевой ставки ЦБ и налоговой политики Минфина, нацеленной на всемерную максимизацию налоговых сборов здесь и сейчас, развитие отечественного наукоемкого, необходимого для обретения технологического суверенитета и тем более лидерства, а значит, импорти капиталоемкого производства становится контрпродуктивным.

Замечу при этом, что несмотря на глубокую убежденность нынешней главы Российского ЦБ в том, что инвестиционные проекты

Для справки.

В 1754 году в России был принят закон о борьбе с росточничеством, в котором предельная ставка по займу определялась в 6%. В законе царской России от 1893 года все ссуды, превышающие ставку 12%, объявлялись юридически ничтожными. В Китае сегодня ключевая ставка 3,5%.

финансируются компаниями из прибыли, а не за счёт кредитных ресурсов, в мировой практике всё обстоит ровно наоборот. В нынешней отечественной реальности компании вынуждены финансировать развитие производств из кредита (длинных дешёвых денег) в рамках политики запретительной ключевой ставки ЦБ и нестабильности/непредсказуемости налоговой политики Минфина, который вводит запретительную для инвесторской системе налогообложения, нацеленную на максимизацию сбора налогов безотносительно к эффективности их использования через бюджетные траты.

Самолтор как самоучитель

Моему другу Виктору Отту, руководителю крупнейшего нефтедобывающего объединения СССР «Нижневартовскнефтегаз», принадлежат знаковые слова: «Самолтор — это не название месторождения, это название подвига».

Однако основной урок Самолтора, полагаю, заключается не в героизме

Парламентская комиссия

под руководством депутата Госдумы РФ заместителя председателя Комитета по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды Жанны Рыбцовой проверила 121 объект нацпроекта «Оздоровление Волги». На плановые показатели вышли из них только шесть. При этом бюджет в 200 млрд рублей освещен на 99,85%.

участников его освоения, а в том, что главное для страны — не как можно больше произвести, добыть, продать, собрать налогов а как можно эффективнее распорядиться произведенным, добытым, собранным, с максимальной пользой и с максимальным экономическим эффектом. С этих позиций, очевидно, уроки Самолтора ещё далеко не усвоены...

Ведь как же не хочется, чтобы Россия оставалась «страной невыученных уроков».

Автор — доктор экономических наук, профессор, заместитель министра топлива и энергетики РФ (1991–1993)

▶ Насосная станция нефти на Самолторском месторождении.

Фото Дмитрия Дебазова, 1 июня 1973 года

